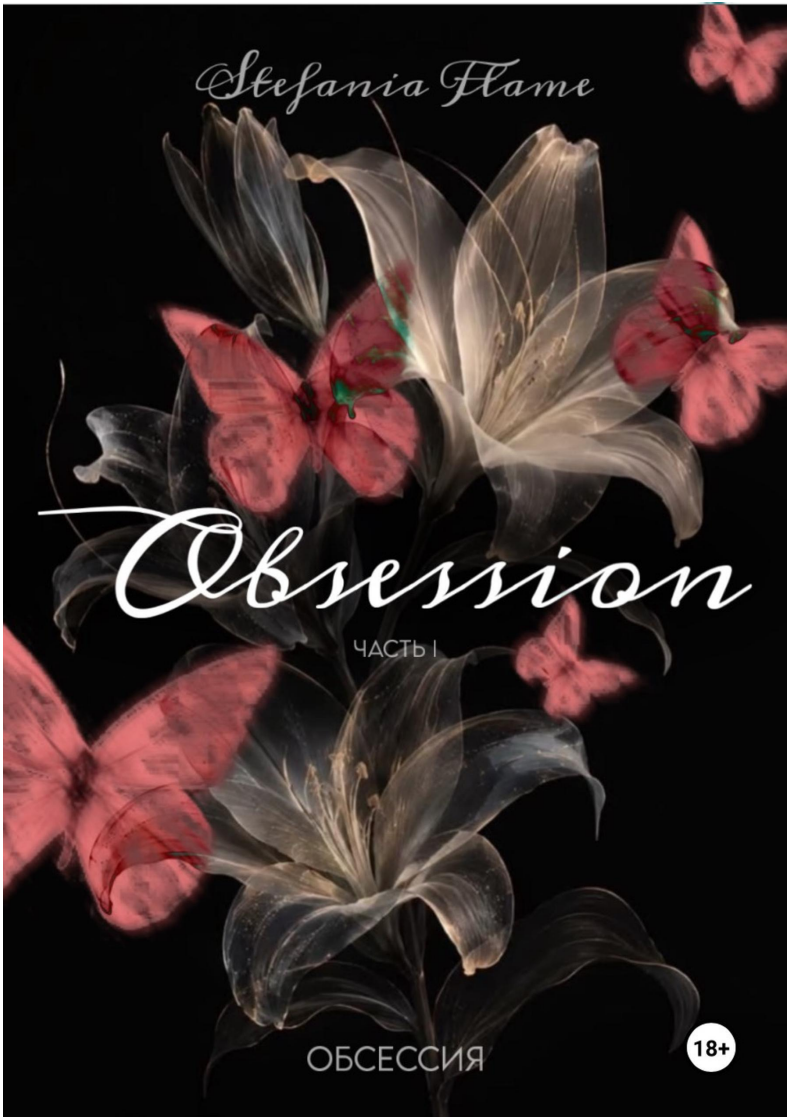

Stefania Flame
Obsession
ЧАСТЬ I
ОБСЕССИЯ
18+

Стефания Флейм
Обсессия

https://litres.ru/74702572
SelfPub; 2026

Аннотация

— Ближе, Катерина. Я хочу чувствовать, как ты дрожишь от одного моего взгляда. Думала, пуленепробиваемое стекло тебя спасет? Ошибаешься. Ты уже в моей клетке.

Я пришла в «Спектр-7», чтобы стать его палачом. Изучить монстра, препарировать его разум и навсегда запереть в бездне. Демитрий — зверь, который питается чужой сломленной волей, и я была единственной, кто не побоялся войти в его вольер.

Но охота пошла не по плану.

Я считала себя сильной, пока не проснулась с его клеймом на бедре. Грубый, багровый след от губ — прямое доказательство того, что стены тюрьмы для него не преграда. Он нашел способ выйти, не открывая дверей. Он уже в моей спальне. Он уже в моих мыслях.

Теперь Демитрий не просто ждет меня за стеклом. Он владеет мной. Я должна была уничтожить его, но сама стала его главным трофеем. Бежать некуда: за обман он заставит платить невинностью, а за попытку бунта — жизнью.

Содержание

Глава 1. Катерина 6
Глава 2. Демитрий 15
Глава 3. Катерина 25
Глава 4. Демитрий 35
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Обсессия

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ТРИГГЕРЫ

Серия «Твоя темная сторона» представляет собой цикл из 4 темных эротических новелл о разных героях:

Одержимость *— история Катерины и Демитрия*

Одержимость 2 *— продолжение истории Катерины и Демитрия*

Преследование *— история Розы и Дерила*

Присвоение *— история Алисии и Ро́мана*

!В отличие от полноразмерных романов, фокус повествования здесь смещен с сюжета на эротическую составляющую, разворачивающуюся в рамках определенной локации!

Пожалуйста, ознакомьтесь со списком триггеров и особенностей произведения перед прочтением:

- Разница в возрасте: ей 19, ему 34

- Динамика персонажей: она — студентка-психолог и девственница; он — опасный заключенный

- Тяжелый контент: присутствуют описания физического и психологического насилия, жестоких пыток, а также проявления болезненной, деструктивной одержимости

- Сексуальный контекст: сцены содержат сомнительное согласие, элементы принуждения и откровенной «грязной»

страсти

Повествование отличается крайней откровенностью и может вызвать дискомфорт. Если подобная тематика для вас неприемлема, автор настоятельно рекомендует воздержаться от чтения

Важно: Все сцены и формулировки адаптированы в строгом соответствии с требованиями действующего законодательства

Строго 18+

Глава 1. Катерина

Холод «Арктики» не просто кусает за кожу — он проникает под ребра, вымораживая саму надежду на то, что отсюда можно вернуться прежней. Я иду по узкому коридору «Спектра-7», и звук моих каблуков по бетонному полу кажется мне оглушительным, как удары молота по гробу. Каждый шаг — это преодоление липкого, первобытного страха, который заставляет внутренности сжиматься в тугой узел.

Я чувствую себя абсолютно голой. На мне плотная блузка, застегнутая на все пуговицы, и строгие брюки, но под прицелом сотен глаз, скрытых за тяжелыми стальными дверями, одежда кажется прозрачной вуалью. Воздух здесь пропитан вонью немытых тел, застарелого пота и концентрированной злобы.

— Эй, сучка! Посмотри на меня! — из первой же камеры доносится хриплый, каркающий лай. — Я вырежу на твоих бедрах свои инициалы, прежде чем кончу в твой поганый рот!

Я вздрагиваю, плечи непроизвольно дергаются вверх. Охрана идет впереди, их тяжелые ботинки чеканят шаг, а профессор Мигель Доренов идет рядом, невозмутимо поправляя очки. Для него это «полевое исследование», для меня — спуск в преисподнюю.

— Не слушай их, Катерина, — бросает профессор, даже

не оборачиваясь. — Это просто шум. Реакция на свежую кровь.

Но это не шум. Это обещания.

— Слышишь, куколка? — другой голос, низкий и хлюпающий, доносится из глубины блока. — Я знаю, как ты пахнешь. Ты пахнешь страхом и чистотой. Я хочу содрать с тебя эту шкуру и натянуть на себя. Я буду лизать твои слезы, пока ты будешь захлебываться собственной кровью!

— Я выверну тебя наизнанку, тварь! Я засуну в тебя руку по локоть и вырву все, что делает тебя женщиной! — орет кто-то, колотя кулаками в дверь так, что содрогаются стены.

Слова бьют наотмашь, как физические удары. Они описывают такие извращения, от которых к горлу подкатывает желчь. Они хотят меня разобрать, осквернить, превратить в кучу окровавленного мяса. Я — студентка-психолог, отличница, которая верила, что в каждом, даже самом черном сердце, есть искра света. Моя диссертация об «исправлении через эмпатию» сейчас кажется мне нелепой шуткой, написанной наивной идиоткой.

Зачем я здесь? Я должна доказать, что моя теория работает. Это мой шанс войти в историю науки, показать, что даже те, от кого отказался мир, подлежат деконструкции и восстановлению. Мой отец всегда говорил, что знание — это высшая форма власти. Я хотела этой власти над человеческой психикой, хотела препарировать чужое безумие, как лягушку на уроке биологии. Но здесь, в этом бетонном мешке, мое

знание кажется бумажным щитом против лесного пожара.

Мы проходим мимо блоков строгого режима, и концентрация ненависти в воздухе становится почти осязаемой. Я пытаюсь дышать через раз, чтобы не чувствовать этот запах — запах зверя, запертого в клетке. Моя вера в людей трещит по швам с каждым новым выкриком, с каждой сальной шуткой о том, сколько раз и в какие отверстия меня «употребят», когда охранники отвернутся.

Я приехала сюда, чтобы приручить демонов. Но сейчас я чувствую, что демоны уже начали свой пир, обгладывая мою уверенность. Мои руки дрожат, и я сжимаю папку с документами так сильно, что пальцы белеют.

Мы останавливаемся у массивной, литой двери, которая отделяет общий блок от последнего сектора. Это «мертвая зона». Здесь не слышно криков, здесь нет вони общего коридора. Здесь царит стерильная, пугающая тишина.

Охранник прикладывает карту к сканеру, и тяжелый механизм срабатывает с сухим, окончательным лязгом.

— Дальше — сектор «Зеро», — произносит профессор, и в его голосе впервые проскальзывает тень предвкушения, граничащего с безумием. — Там содержится только один заключенный. Самый опасный. Тот, чье имя запрещено называть вслух среди персонала, чтобы не провоцировать приступы паники.

Я сглатываю сухой ком в горле. Мое сердце бьется где-то в основании черепа. Мы входим в переход, и я понимаю, что за

этой дверью заканчивается наука и начинается нечто, к чему ни одна книга по психологии меня не готовила. Там, в конце этого стерильного тоннеля, ждет ОН. Человек, который не кричит, не бьется в дверь и не угрожает насилием. Он просто ждет, когда я сама приду в его руки.

Тяжелые створки шлюза разъезжаются в стороны с утробным гулом, который отдается в моих коленях мелкой, противной дрожью. Мы входим в святая святых «Спектра-7», и здесь все иначе. Если предыдущие коридоры были похожи на грязную прихожую ада, то этот блок — его ледяное, хирургически чистое сердце. Охрана здесь не просто удвоена — нас сопровождают четверо бойцов в полном боевом снаряжении, с закрытыми лицами и штурмовыми винтовками наготове. Глядя на их напряженные пальцы у спусковых крючков, я осознаю: они боятся. Эти горы мышц и кевлара боятся одного-единственного человека, который заперт за этими стенами. И этот страх, разлитый в воздухе, впитывается в мои поры, заставляя кожу покрываться ледяным потом.

Здесь нет окон, нет лишних звуков, только монотонный гул вентиляции, которая гонит по коридору стерильный, мертвый воздух. Каждое мое движение кажется мне неуклюжим, а дыхание — слишком громким, почти неприличным в этой давящей тишине.

В голове всплывают сухие строчки из секретного досье, которое профессор разрешил мне прочесть лишь частично, под тремя подписками о неразглашении. Демитрий. Чело-

век-приговор. Его преступления — это не просто насилие, это искусство деструкции, возведенное в абсолют. Серийный ликвидатор, стратег, чьими руками были уничтожены целые политические кланы и криминальные империи. О нем говорят, что он не просто убивает — он ломает реальность вокруг своих жертв, заставляя их самих умолять о конце. Его приговор — три пожизненных срока без права на малейшее смягчение, полная изоляция от мира, который он едва не поставил на колени своей холодной, расчетливой жестокостью.

Мы здесь не для того, чтобы помочь ему. Профессор Мигель Доренов одержим идеей понять, как функционирует этот совершенный механизм разрушения. Мы здесь, чтобы препарировать его интеллект, залезть под черепную коробку монстру и выяснить: можно ли обратить эту мощь в созидание? Или он — биологическая ошибка, подлежащая лишь вечному заточению? Для меня это вызов, вершина моей веры в психологию. Если я смогу найти ключ к Демитрию, значит, человеческая душа действительно излечима. Но сейчас, глядя на стальные засовы, я чувствую себя не врачом, а маленькой птицей, добровольно залетающей в пасть к змее.

Мы останавливаемся у финишной черты. Перед нами — камера номер ноль. Она не похожа на остальные. Это сложная инженерная конструкция, созданная специально для него. Первая линия защиты — бронированное стекло толщиной в десять сантиметров, матовое с нашей стороны. За ним, на расстоянии полуметра — вторая преграда, сетка из

сверхпрочного сплава под высоким напряжением, способная испепелить любого, кто посмеет коснуться. И, наконец, финальный барьер — массивная стальная решетка с магнитными замками.

Я стою перед этой серой поверхностью, чувствуя, как внутри все обрывается. Я не знаю, как он выглядит. В базе данных не было ни одного фото — все изображения стерты или засекречены на уровне правительства. Для меня Демитрий — это лишь набор ужасающих фактов и легенд, облеченных в форму человека. Мои ладони, сжимающие папку, становятся влажными. Профессор делает знак охране, и я слышу, как щелкают тумблеры, снимая первый уровень защиты.

Я еще не вижу его. Между нами все еще эта непроницаемая пелена стекла и тока. Но я уже кожей чувствую его присутствие. Это тяжелое, густое давление, исходящее изнутри камеры, словно там, за прозрачным щитом, сгустилась сама тьма, ожидающая момента, чтобы сделать свой первый ход.

Скрежет металла о металл звучит как предсмертный хрип. Старший конвоир, чье лицо кажется высеченным из того же холодного гранита, что и стены этой тюрьмы, делает шаг ко мне, сокращая дистанцию до опасного минимума. Его голос — низкий, лишенный всяких эмоций, бьет в лицо холодом.

— Слушай внимательно, девочка. Один шаг за желтую линию — и я не гарантирую, что ты уйдешь отсюда на своих ногах. Никаких личных вопросов. Никаких имен, кроме тех, что в протоколе. Если он заговорит о твоем детстве, твоих

страхах или твоей семье — немедленно прекращай контакт. Он не просто преступник, он — вирус. Он найдет брешь в твоей броне и выжрет тебя изнутри раньше, чем ты успеешь моргнуть.

Я чувствую, как паника ледяной змеей сворачивается в моем животе. Мои пальцы судорожно вцепились в ремешок сумки, а во рту стало горько и сухо. Каждое слово охранника — это гвоздь в гроб моей уверенности.

— Ну полно вам, капитан, — профессор Мигель Доренов пытается выдавить из себя снисходительную усмешку, поправляя дужку очков. — Мы здесь ученые, а не жертвы. Мы пришли препарировать его сознание, а не поддаваться на дешевые манипуляции...

— Закрой рот, док, — охранник обрывает его резко, почти грубо, и я вижу, как профессор бледнеет от неожиданной наглости. — Здесь не кафедра университета. Если этот ублюдок решит, что вы ему мешаете, он найдет способ достать вас даже через это стекло. Ваши дипломы не спасут вас, когда он начнет вскрывать ваши черепа словами.

Тишина, последовавшая за этим, становится невыносимой. Я слышу только гул собственной крови в ушах. Мы подходим к последней преграде. Щелчок магнитного замка, шипение гидравлики — и матовое стекло, скрывавшее нутро камеры, медленно становится прозрачным.

Я ждала увидеть зверя. Ждала увидеть нечто отталкивающее, обросшее грязью и ненавистью, соответствующее тем

мерзостям, что выкрикивали заключенные в коридоре. Но реальность бьет меня под дых гораздо сильнее.

В камере царит пугающий, почти хирургический порядок. Узкая койка заправлена так ровно, что кажется монолитом. Небольшой столик, стопка книг — все на своих местах. В центре этого стерильного пространства сидит он.

Демитрий.

Он одет в темно-оранжевую тюремную робу, застегнутую на все пуговицы до самого горла. Никакой расхлябанности, никакого вызова в позе. Его спина прямая, плечи развернуты. Но когда он медленно, тягуче поднимает голову, мир вокруг меня просто перестает существовать.

Его лицо — это совершенное сочетание жесткости и какой-то демонической гармонии. Высокие, остро очерченные скулы, прямой нос и челюсть, словно выточенная из темного мрамора. Он не похож на убийцу. Он похож на падшее божество, которое заперли в бетонной коробке, но забыли лишить его власти. Темная щетина подчеркивает линию его губ — четких, жестких, сейчас плотно сжатых.

Я стою, не в силах пошевелиться, завороженная этой ледяной, порочной красотой, которая кажется здесь, в этом аду, чем-то глубоко неправильным. Его глаза — два омута, в которых нет дна. Он смотрит на меня сквозь решетку и стекло, и я чувствую, как этот взгляд буквально сдирает с меня кожу. Это не похоть, которую я видела в глазах других зэков. Это нечто гораздо более страшное. Исследовательский инте-

рес хищника, обнаружившего новую, хрупкую игрушку.

Я забываю, как дышать. Забываю про блокнот, про профессора, про охрану. Существует только этот человек в серой робе и тот первобытный ужас, смешанный с болезненным восхищением, который он во мне вызывает.

Его губы медленно, почти неуловимо искривляются в подобии усмешки. Он не встает, не делает резких движений. Он просто смотрит мне прямо в душу, и я понимаю — он видит каждую мою дрожащую клетку.

— Психолог? — его голос доносится через динамики, низкий, вибрирующий, пробирающий до костей. — Пришла полечить мою душу, Катерина?

Я вздрагиваю от того, как интимно звучит мое имя в его устах. Он делает паузу, и его взгляд скользит по моей шее, задерживаясь на бьющейся жилке.

— Ну что же... расставляй фигуры, маленькая отличница. Твой первый ход был предсказуем. Теперь посмотрим, как быстро ты начнешь умолять меня закончить эту партию.

Глава 2. Демитрий

Гул гидравлики, вскрывающий мою камеру — это звук аплодисментов в пустом зале. Я не шевелюсь. Я вообще редко трачу энергию на лишние движения. В этом стерильном бетонном кубе время течет иначе, и я научился превращать его в своего союзника. Решетка с лязгом уходит в сторону, впуская в мое пространство запах дешевого одеколона, старой бумаги и... ее.

Этот запах выбивается из общего смрада «Спектра-7». Цветы, едва уловимый аромат персика и тот самый едкий привкус адреналина, который выделяет человеческое тело в моменты предельного ужаса.

Профессор Мигель Доренов вваливается в камеру первым. Он суетится, поправляет свои нелепые очки, пытаясь сохранить мину академической важности. Для него я — диссертация, билет в пантеон великих психиатров, редкий экземпляр в банке с формалином. Он не понимает, что в этой банке находится он сам, а я лишь наблюдаю за тем, как он бьется о стеклянные стенки своего ничтожества.

— Демитрий... э-э... Градов, добрый день, — начинает он, и его голос едва заметно подрагивает. — Позвольте представиться еще раз, хотя мы уже знакомы по переписке. Я профессор кафедры клинической психологии, а это моя ассистентка, Катерина. Мы здесь, чтобы начать цикл бесед в рам-

ках нашего уникального исследования...

Его слова — это мусор. Белый шум, который я отфильтровываю мгновенно. Все мое внимание сосредоточено на ней. Она стоит у самого порога, вцепившись в свою папку, как в спасательный круг. Бледная, тонкая, с огромными глазами, в которых плещется такой чистый, такой кристальный страх, что мне хочется коснуться его языком.

Катерина.

Я изучил ее досье до последней запятой. Отличница, красный диплом, вера в гуманизм, который здесь, в Арктике, сдыхает за пять минут. Она — чистый, дорогой лист пергамента. И я уже чувствую, как в моих руках закипает чернильная тьма, которой я испишу ее всю, от ключиц до самого дна ее праведной души. Она красива той редкой, нежной красотой, которая в этом месте кажется извращением. Эта чистота буквально молит о том, чтобы ее осквернили, чтобы ее растоптали и смешали с грязью этого блока.

Я молчу. Просто смотрю на нее, позволяя тишине между нами натягиваться, как струна, готовая лопнуть и полоснуть ее по горлу. Она переступает с ноги на ногу, ее дыхание сбивается, а зрачки расширяются, поглощая радужку. Она чувствует мой взгляд физически. Она понимает, что я уже раздела ее до костей, залез под ребра и пересчитал все ее детские травмы.

Профессор продолжает что-то лепетать о «методологии» и «эмпатическом контакте». Какая ирония. Он вещает о кон-

такте, стоя в двух метрах от человека, чьи руки скованы тяжелыми, настоящими кандалами. Сталь холодит запястья, цепь между лодыжками тихо звякает при малейшем движении. Они думают, что это железо удерживает меня. Они не понимают, что единственное, что их защищает — это мой временный интерес к этой игре.

Я медленно поднимаюсь и делаю один короткий шаг. Кандалы отзываются тяжелым, властным звоном. Профессор непроизвольно отступает назад, а Катерина, кажется, вовсе перестает дышать. Я усаживаюсь за свой стол, стоящий ровно посередине камеры, и кладу руки перед собой. Движения отточены до автоматизма, циничны в своей безупречности.

На мгновение в камере воцаряется тишина, нарушаемая только воем ветра в вентиляции. Я слегка наклоняю голову вбок, не сводя глаз с ее лица, которое под моим прицелом становится почти прозрачным. Пора бросить первую кость.

— Катерина, — мой голос звучит тихим, глубоким рокотом, разрезая пространство. Профессор тут же замолкает, подавившись очередной фразой. — Подойдите ближе. Не нужно стоять на сквозняке.

Я делаю паузу, наблюдая за тем, как ее плечи вздрагивают от звука моего голоса.

— Вам не холодно? — спрашиваю я с вкрадчивой, почти отеческой заботливостью, которая в этих стенах звучит страшнее любого проклятия. — Здесь, внизу, всегда тянет холодом из-под пола. А вы так легко одеты.

Я вижу, как она сглатывает. Как она пытается найти в себе силы ответить, но все, что у нее есть — это парализующий ужас и эта странная, мазохистская завороженность монстром. Игра началась. И первый ход — это тепло, которое я ей предлагаю, прежде чем сжечь ее дотла.

Мой вопрос повисает в вязком, спертом воздухе камеры, тяжелый и липкий, как сырая нефть. Я вижу, как Катерина размыкает губы, как ее горло совершает судорожное глотательное движение, пытаясь выдавить из себя хоть звук, но профессор, этот суетливый старый стервятник, резко вскидывает руку, пресекая ее попытку. Его жест — нервный, дерганый — лишь подчеркивает ту пропасть, что разделяет нас.

— Катерина, не отвечай, — бросает он сухо, даже не глядя на нее, его маленькие глазки за толстыми линзами очков впиваются в мое лицо, ища хоть каплю покорности. — Градов, давайте проясним правила игры сразу. Моя ассистентка здесь в качестве безмолвного наблюдателя. Она фиксирует ваши реакции, ведет протокол и не вступает с объектом в вербальный контакт. По регламенту «Спектра-7» право голоса в этом помещении имею я и администрация. Вы здесь не для светских бесед о погоде и не для проявления ложной галантности.

Я даже не удостаиваю его поворотом головы. Для меня Мигель Доренов перестал существовать в ту секунду, когда его подошва коснулась бетонного пола моей клетки. Он — всего лишь шум, досадная помеха в радиоэфире, дребезжа-

ние старой мебели. Вся моя вселенная сейчас схлопнулась до одной точки — до бледного, почти прозрачного лица девушки у порога.

Я продолжаю смотреть только на нее. В моих глазах нет ярости, в них — пугающее, абсолютное спокойствие хищника, который уже знает вкус своей добычи. Игнорируя протесты профессора, я чуть склоняю голову, позволяя свету ламп подчеркнуть резкие тени на моих скулах.

— Вы ведь не из тех, кто привык прятаться за чужими спинами, Катерина? — мой голос звучит плавно, почти нежно, обволакивая ее сознание, проникая под кожу, как медленно действующий яд. — Психология, которой вы так гордитесь — это наука о живом контакте, о соприкосновении душ. Как вы собираетесь изучать зверя, если боитесь даже подойти к решетке его логова? Ваш наставник боится за вас, потому что чувствует — я вижу вас насквозь. А вы... вы ведь хотите узнать, каков на самом деле вкус моего мира, не так ли? Вы пришли сюда за истиной, а истина всегда пахнет кровью и честностью.

Механизм шлюза издает предупреждающий, низкий писк. Барьеры начинают медленно, неумолимо сближаться, отрезая камеру от внешнего стерильного коридора. Секунды утекают, как песок сквозь пальцы. Катерина стоит на самом краю желтой линии. Сзади нее — открытая дверь, свет и иллюзия безопасности. Перед ней — я, тяжелый звон кандалов и эта тесная бетонная коробка, которая на ближайшие часы

станет ее персональным чистилищем.

Я вижу, как она дрожит. Этот мелкий, едва заметный тремор в коленях, эта судорожная хватка, с которой она вцепилась в свою кожаную папку, словно та может защитить ее от моего влияния. Она боится меня до тошноты, до подкашивающихся ног, и этот дистиллированный страх заводит меня сильнее, чем любой наркотик, который когда-либо пробовала моя кровь.

— Шагните внутрь, — я произношу это как приказ, завуалированный под просьбу, не сводя с нее тяжелого, гипнотического взгляда. — Или признайте прямо сейчас, что все ваши идеалы о «помощи», «исправлении» и «гуманизме» — лишь сказки для наивных девочек, которые боятся заглядывать под кровать по ночам. Останьтесь там, в коридоре — и вы навсегда останетесь никем, очередной тенью в штате профессора. Зайдите сюда — и я обещаю, вы узнаете о себе такие вещи, от которых ваша чистая, невинная душа вскрикнет от порочного восторга.

Я слегка подаюсь вперед, наваливаясь грудью на край стола. Цепь между моими запястьями отзывается резким, грязным звяканьем. Это звук капкана, который вот-вот захлопнется. Профессор снова пытается что-то вставить, его рот открывается в беззвучном протесте, но я не слышу его. Для меня он — мертвая зона. Я держу ее взгляд, вытягивая из нее остатки воли, заставляя ее чувствовать, что единственный воздух, которым она может дышать, находится здесь, в

метре от меня.

Она на крючке. Мои слова — это тончайшая шелковая нить, обернутая вокруг ее горла. Я вижу, как в ее глазах панический ужас борется с тем самым мазохистским, исследовательским зудом, который я так искусно раздуваю. Она хочет быть особенной. Она хочет верить, что она — та единственная, кто сможет найти искру в этой бездне.

— Ну же, Катерина. Время истекает. Сделайте выбор. Клетка или коридор? Моя правда или его ложь?

Створка тяжелой двери почти коснулась косяка, когда она, резко выдохнув и на мгновение зажмурившись, делает этот рваный, порывистый шаг вперед. Решетка за ее спиной захлопывается с окончательным, могильным лязгом, который разносится эхом по всему блоку. Электронный замок встает на место с сухим щелчком.

Все. Ловушка захлопнулась. Она внутри моего круга.

В камере становится невыносимо, оглушительно тихо. Я медленно откидываюсь на спинку стула, и тяжесть кандалов на моих руках больше не кажется мне обузой. Напротив — это лишь необходимая декорация в спектакле, где я — единственный режиссер, а эта хрупкая, пахнущая персиками девочка только что подписала себе смертный приговор. Я смотрю на ее бледную, открытую шею, на бьющуюся в бешеном ритме жилку под тонкой кожей, и внизу живота рождается густое, темное удовлетворение.

— Умница, — произношу я едва слышно, и мои глаза, хо-

лодные и расчетливые, обещают ей такую глубину падения, из которой не возвращаются. — Теперь, когда лишние двери закрыты, мы можем начать наш первый урок.

Она стоит прямо передо мной, и я физически ощущаю, как от ее тела исходят волны первобытного хаоса. Катерина балансирует на грани — между желанием броситься к дверям и этим пагубным, почти эротическим любопытством, которое всегда губит приличных девочек. Она напугана до оцепенения, но в глубине ее расширенных зрачков я вижу ту самую искру, за которую цепляются хищники. Ей не просто страшно, ей до боли интересно, каково это — находиться в одной клетке с тем, кого весь мир признал воплощением зла.

Профессор снова подает голос, пытаясь вернуть себе контроль над ситуацией. Его напыщенная тирада о протоколах безопасности и академической этике звучит как предсмертный писк комара. Я не смотрю на него. Я не дарю ему ни единого кванта своего внимания. Он для меня — пустой стул, предмет интерьера, покрытый слоем старой пыли. Мой взгляд приклеен к Катерине, к ее дрожащим губам и судорожному движению пальцев на кожаном переплете папки.

— Слушайте внимательно, Катерина, — мой голос звучит как шелест песка по металлу, ровно и неотвратимо. — С этого момента правила здесь диктую я. Не администрация, не ваш наставник, и уж точно не учебники по психоанализу. Я буду говорить только с вами. Каждое слово, которое вылетит из моих уст, будет принадлежать только вам.

Старик снова что-то выкрикивает, его лицо багровеет от негодования, он даже делает попытку подойти ближе, но я лишь слегка шевелю пальцами, скованными сталью, и он замирает. Моя власть в этом блоке — не в силе мышц, а в том, что я владею каждым вдохом тех, кто охраняет этот периметр.

— Вы молчите, Катерина. Это плохой знак. Я начинаю думать, что вы проделали этот долгий путь через ледники напрасно. Зачем тратить драгоценное время на изучение моего разума, если вы боитесь даже ответить на простейший вопрос? Мне будет крайне жаль, если наша встреча закончится, так и не начавшись, из-за вашего онемения.

Я снова чуть наклоняюсь вперед, фиксируя ее взгляд.

— Повторю еще раз. Вам не холодно? Здесь, в Спектре, арктический ветер умеет находить щели даже в самой надежной броне.

Она замирает, ее грудь тяжело вздымается под тонкой блузкой. Она понимает, что профессор больше не является ее защитой. Здесь, за этим стеклом, мы остались одни, сколько бы людей ни стояло за решеткой.

— Немного... — наконец выдавливает она. Ее голос — тонкая нить, готовая оборваться. — Немного холодно.

Я медленно, почти торжественно склоняю голову вбок. Это движение — сигнал. Простой жест, который запускает невидимые механизмы этой тюрьмы, купленной мной с потрохами. Спустя секунду тихий гул вентиляции меняет то-

нальность. Система отопления, подвластная моему негласному приказу, начинает нагнетать в камеру плотный, тяжелый жар.

Температура ползет вверх стремительно. Я вижу, как Катерина вздрагивает, когда первый поток горячего, сухого воздуха касается ее лица. Кожа на ее скулах розовеет, а на лбу выступает едва заметная испарина. Ей становится жарко — той самой липкой, интимной жарой, которая заставляет одежду неприятно липнуть к телу, напоминая о его слабости. Она чувствует, как воздух вокруг нас густеет, превращаясь в невидимый кокон, из которого нет выхода. Я контролирую все: от ее страха до температуры в ее легких.

Я киваю на пустой стул напротив себя. Тяжелая стальная конструкция приварена к полу, но она приглашает ее в мое личное пространство, в зону моего дыхания.

— Садитесь, Катерина. Ваше место здесь. Отбросьте свои записи и забудьте про тиканье часов. Нам предстоит долгое погружение.

Я кладу свои руки, закованные в кандалы, на стол прямо перед ней. Сталь звонко ударяется о поверхность, подчеркивая финал вступления.

— Давайте начнем ваше интервью. Посмотрим, насколько глубоко вы готовы зайти в эту бездну, прежде чем она начнет переваривать вас.

Глава 3. Катерина

Ноги кажутся ватными, когда я делаю эти несколько шагов к приваренному к полу стулу. Каждый звук в камере Демитрийа — лязг его кандалов, гул внезапно ожившей вентиляции — бьет по моим натянутым нервам. Я сажусь, чувствуя, как липкий, искусственно нагнетаемый жар начинает душить меня. Мои пальцы дрожат, когда я раскрываю кожаную папку; белизна листов слепит, а напечатанные вопросы профессора выглядят теперь как детские каракули, не имеющие никакого веса перед лицом этого человека.

Демитрий не смотрит в мои записи. Он не смотрит на профессора, который застыл за моей спиной нелепым памятником самому себе. Его взгляд прикован к моему лицу, а если точнее — к моим губам. Я чувствую это физически, словно он касается их сухой, горячей кожей своих пальцев, а не просто глазами.

— Расскажите мне о себе, Катерина, — произносит он, и его голос в этой раскаленной тишине звучит почти интимно. — Каково это — просыпаться с верой в то, что мир можно спасти? О чем вы думаете первым делом, когда открываете глаза в своей чистой, уютной квартире?

Я сглатываю, пытаясь вернуть себе профессиональный тон. Я здесь не для светской беседы. Я — ученый. Я должна контролировать ситуацию.

— Мы здесь, чтобы обсудить ваше состояние, Демитрий, — мой голос предательски срывается, становясь тонким и беззащитным. — Мой первый вопрос касается вашего детства. Испытывали ли вы эмпатию к окружающим в возрасте до двенадцати лет?

Он не отвечает. Вместо этого он чуть подается вперед, и цепь между его запястьями со звоном проезжает по столешнице. Этот звук заставляет меня вжаться в спинку стула.

— Это нечестно, — вкрадчиво шепчет он, и в его темных глазах вспыхивает опасный, насмешливый огонек. — Посмотрите на эту папку, Катерина. Там собрана вся моя жизнь. Вы знаете, чем я завтракал в день своего ареста, вы знаете названия лекарств, которые мне кололи в карцере, вы знаете даже то, как кричали мои враги. Вы знаете обо мне все. А я о вас — ничего. В психологии это называется нарушением терапевтического альянса, не так ли?

— Я не... я не должна делиться личной информацией, — шепчу я, чувствуя, как пот начинает течь между лопатками. Жар в камере становится невыносимым, воздух кажется густым, как патока.

— Всего один факт, — он склоняет голову, и его взгляд становится гипнотическим. — Иначе я просто замолчу. И ваша сенсационная диссертация превратится в стопку макулатуры. Скажите мне... вы ведь пьете кофе по утрам? Черный, без сахара, чтобы заглушить привкус разочарования от реальности?

Страх заставляет мои внутренности сжаться. Я отвечаю прежде, чем успеваю подумать, просто чтобы прекратить это давление.

— С молоком. Я пью кофе с молоком и корицей.

Демитрий хмыкает, и этот звук кажется мне пугающе довольным. Он получил то, что хотел — первую крупицу моей личности, первую трещину в моей обороне. Я судорожно вцепляюсь в лист с вопросами, пытаясь вернуться к плану.

— Хорошо. Теперь мой вопрос. Считаете ли вы свои действия в отношении холдинга «Атлант» проявлением социопатии или это была осознанная стратегия?

Он издает короткий, сухой смешок, который больше похож на кашель хищника. Он даже не смотрит на профессора, который пытается что-то возмущенно пробормотать сзади. Демитрий смотрит только на меня, и в этом взгляде столько циничного превосходства, что мне хочется закрыться руками.

— Какая чушь, — отрезает он, и в его голосе больше нет вкрадчивости, только холодная сталь. — Вы серьезно планируете тратить мое время на эту кабинетную пыль? «Социопатия», «стратегия»... Это слова этого старика, Катерина. Глупые, пустые термины, за которыми он прячет свой страх перед тем, чего не может понять. Зачем вы задаете мне его вопросы, когда у вас в голове сейчас роятся сотни своих?

Он делает паузу, и я вижу, как его ноздри трепещут, словно он улавливает мой запах — запах страха и невольного,

постыдного интереса.

— Я вижу их в ваших глазах, — продолжает он, понижая голос до вибрации. — Вы хотите спросить совсем о другом. Вы хотите знать, каково это — обладать абсолютной властью над чужой жизнью. Вы хотите знать, почему я до сих пор не сломался в этом бетонном гробу. Вы хотите знать, что я сделаю с вами, когда эти решетки исчезнут.

Я замираю, боясь даже моргнуть. Он препарирует меня без скальпеля, просто словами, снимая слой за слоем мою напускную уверенность.

— Выбросьте эти бумажки, Катерина. Они вам не помогут. Перестаньте быть его тенью. Станьте собой. Ну же... удивите меня.

Он замолкает, ожидая моего хода, и я понимаю, что сейчас решится все. Либо я подчинюсь его правилам игры, либо этот сеанс станет последним в моей карьере.

Я чувствую, как под тяжелым, плавящим взглядом Демитрия моя уверенность рассыпается в прах, превращаясь в серый пепел. Его вызов — «удивите меня» — звучит как приговор моей профессиональной маске. Я облизываю пересохшие губы, и его зрачки тут же фиксируют это мимолетное движение, отчего по моему телу проходит болезненный электрический разряд. Мне нужно спросить. Нужно зацепиться хоть за что-то, что не касается моего утреннего чая или цвета моего белья.

— Хорошо, — мой голос звучит хрипло, чужеродно в этой

раскаленной тишине. — Оставим методичку. Вы сказали, что я хочу знать, каково это — переступить черту. Скажите тогда... о чем вы думали в тот момент, когда впервые осознали, что чужая жизнь полностью принадлежит вам? Не как бизнесмену, а как... человеку, держащему палец на курке или нож у горла? Какое это чувство на вкус?

Я жду, что он рассмеется или снова начнет насмехаться над моей наивностью, но Демитрийзамирает. В его глазах вспыхивает темный, порочный интерес. Он медленно облизывает губы, не сводя с меня глаз, и я чувствую, как мои щеки горят уже не от стыда, а от какого-то лихорадочного, грязного возбуждения, которое я боюсь признать даже самой себе.

— Неплохо, Катерина. Совсем неплохо для отличницы, — он чуть склоняет голову, и в динамиках слышен его тяжелый, ровный вдох. — Профессор, вы слышали? Девочка хочет крови. Она хочет заглянуть в мясную лавку, а не в аптеку. Скажите этому старику, чтобы он приготовил свое перо. Пусть записывает каждое слово, если ему так важны ответы для его никчемной диссертации. Потому что я буду говорить только один раз. И только для вас.

Мигель Доренов судорожно кивает, его пальцы дрожат, когда он перехватывает ручку. Он выглядит жалким на фоне этого закованного в кандалы хищника. Демитрийже подается вперед настолько, насколько позволяют цепи. Металл со скрежетом ползет по столу.

— Вкус? — он произносит это слово почти шепотом, и я чувствую, как воздух в камере становится еще горячее, еще гуще. — В первый раз это пахнет озоном и жженой медью. Когда ты понимаешь, что человек перед тобой — это просто сложная биологическая машина, которую ты можешь остановить одним коротким движением... это лучше любого оргазма, Катерина.

Я слушаю его, как завороженная. Его голос проникает мне под кожу, вибрирует в позвоночнике. Мне невыносимо жарко. Я чувствую, как капля пота, зародившись на шее, медленно и мучительно долго скатывается вниз, проскальзывает под воротник расстегнутой на одну пуговицу рубашки и ползет прямо по ложбинке между грудей. Это ощущается так отчетливо, так остро, что я едва не вскрикиваю. И Демитрий видит это. Его взгляд опускается к моему вырезу, он прослеживает путь этой капли с такой жадностью, будто он сам касается моей кожи своим языком.

— Я помню тепло его крови на своих пальцах, — продолжает он, и его голос становится еще тише, еще интимнее. — Оно было почти таким же нежным, как ваша кожа. Я смотрел, как жизнь уходит из его глаз, превращая их в пустые стекляшки, и чувствовал, как внутри меня рождается Бог. Ты стоишь над кем-то, кто еще секунду назад имел планы, мечты и страхи, а теперь он — просто остывающий кусок мяса, потому что ТЫ так решил. Это абсолютная чистота, Катерина. Никакой лжи, никаких социальных масок. Только

ты и твоя власть над чужим небытием.

Мне страшно. Мне так страшно, что у меня темнеет в глазах, но я не могу отвернуться. Я чувствую себя птицей, которая смотрит в пасть кобре. Моя рубашка уже слегка намокла, ткань липнет к телу, обрисовывая контуры белья, и я вижу, как темнеют глаза Демитрия, когда он замечает мою физиологическую реакцию. Он наслаждается моим ужасом, он пьет его, как дорогое вино.

— Вы дрожите, — констатирует он, и в его голосе звучит неприкрытая угроза и обещание. — Вам жарко, ваша кровь бежит быстрее, сердце колотится о ребра, как пойманная птица. Вы боитесь меня, но ваша плоть... она откликается на мою тьму. Вы ведь уже чувствуете, как эта капля пота оскверняет вашу чистоту?

Я молчу, не в силах шевельнуть даже пальцем. Я — студентка-психолог, я должна анализировать его бред, но вместо этого я просто тону в этом порочном мареве, чувствуя, как стены камеры сжимаются вокруг нас, оставляя место только для его голоса и моего падения.

Голос профессора врывается в раскаленное пространство камеры, как скрежет ржавой пилы по стеклу. Он подается вперед, едва не задевая плечом решетку, и его лицо искажено лихорадочным научным азартом.

— Уточните, Градов! — выкрикивает Мигель, его ручка бешено танцует по бумаге. — Это чувство «божественности», о котором вы говорите — сопровождалось ли оно так-

тильными галлюцинациями или только приливом дофамина? Катерина, фиксируйте зрачковый рефлекс! Вы видите, как расширяются его зрачки при упоминании акта насилия?

Я чувствую, как внутри меня что-то обрывается. Мне невыносимо стыдно. Стыдно за профессора, который видит в этой кровавой исповеди лишь сухие данные, и смертельно стыдно за себя. Мое тело предает меня. Влажная ткань рубашки неприятно холодит кожу там, где прочертила свой путь капля пота, но мои соски предательски твердеют под взглядом этого зверя, а внизу живота нарастает тяжелая, пульсирующая пустота. Я пытаюсь судорожно выстроить в голове ментальный барьер, оправдываясь терминами из учебников. Это просто физиология, твержу я себе. Это реакция симпатической нервной системы на запредельный стресс. Это «адреналиновая петля», описанная Спилбергом. Мой мозг просто пытается выжить, выбрасывая гормоны, чтобы я не сошла с ума от ужаса. Психология. Это просто психология.

Но Демитрий даже не поворачивает головы к профессору. Для него Мигель Доренов— пустое место, назойливое насекомое, которое он позволяет терпеть лишь до тех пор, пока оно не мешает его охоте. Демитрий смотрит на меня, и в его глазах читается такая глубокая, порочная насмешка над моими попытками оправдаться, что мне хочется закрыть лицо руками.

— Как вы это терпите, Катерина? — его голос звучит

вкрадчиво, почти сочувственно, но за этим сочувствием скрывается оскал волка. — Я смотрю на вас и не понимаю... Как вы решились провести лучшие годы своей жизни рядом с этим животным?

Я замираю, пораженная его словами. Профессор за моей спиной захлебывается возмущением, но Демитрий продолжает, не меняя тональности:

— Посмотрите на него. Я говорю о вас грязные, отвратительные вещи. Я раздеваю вас словами прямо на его глазах, я описываю убийства, которые должны выворачивать вашу душу наизнанку, а ему все равно. Ему плевать на ваш комфорт, на вашу честь, на то, что вы сейчас сгораете от унижения в этой душной клетке. Он видит в вас лишь инструмент. Функцию. Красивую обложку для своего никчемного труда.

Он делает паузу, и звук его кандалов, когда он чуть разводит руки, кажется мне звоном цепей, которыми он медленно опутывает мою волю.

— Будь вы моей студенткой... — его голос становится ниже на октаву, превращаясь в вибрирующий рокот, который я чувствую где-то в глубине костей. — Или моей женщиной... я бы никогда не допустил подобного. Ни один мужчина не смел бы дышать в вашу сторону без моего разрешения. Я бы вырвал язык любому, кто посмел бы осквернить ваш слух подобными подробностями. Но этот старик позволяет мне все. Он продает вашу невинность за строчку в журнале.

— Хватит... — шепчу я, чувствуя, как слезы обжигают

глаза. Это слишком. Слишком честно и больно.

Демитрий наклоняется еще ближе. Теперь нас разделяет лишь решетка и считанные сантиметры воздуха, пропитанного жаром и его властью. Его взгляд пригвождает меня к стулу, лишая возможности пошевелиться.

— Чему он может вас научить, Катерина? Схемам? Таблицам? Сухим определениям чужого безумия? — он усмехается, и эта усмешка выжигает во мне последние остатки профессиональной гордости. — Вы стоите на пороге настоящего знания. Вы смотрите в глаза бездне, которую он никогда не посмеет даже представить.

Он протягивает руку в кандалах, его пальцы почти касаются прутьев решетки, указывая прямо на меня.

— Я предлагаю вам иную школу. Без цензуры. Без жалости. Без лживых оправданий. Скажите мне, маленькая отличница... Готовы ли вы у меня поучиться? По-настоящему?

Глава 4. Демитрий

Второй день в «Спектре-7» начинается с разочарования, которое оседает на языке вкусом дешевого табака и застоявшегося металла. Я сижу на своей койке, идеально прямой, застегнутый на все пуговицы, и чувствую, как внутри закипает холодная, расчетливая ярость.

Профессор Мигель Доренов здесь. Один.

Он битый час расхаживает перед моей решеткой, размахивает руками и захлебывается собственным красноречием. Его голос — дребезжащий, фальшивый, полный академического пафоса — впивается в мои виски не хуже пыточной иглы. Он что-то орет про когнитивные искажения, про динамику моих ответов, про структуру личности, пытаясь достучаться до «субъекта». Но я не субъект. Я — константа, вокруг которой вращается этот бетонный ад, а он всего лишь пыль на моих сапогах.

Мне невыносимо скучно. Я смотрю на него и представляю, как мои пальцы, скованные сталью, смыкаются на его дряблой шее. Хруст шейных позвонков был бы самой мелодичной музыкой, которую я слышал за эти годы. Я бы убил его прямо сейчас, медленно, глядя, как лопаются сосуды в его вытаращенных глазах, но я сдерживаю этот порыв. Пока слишком рано. Смерть профессора в моей камере вызовет панику, ненужный шум и расследование из центра. А это

значит, что Катеринузаберут. Ее спрячут за семью замками, эвакуируют из этой арктической пустоты, а я пока не готов с ней проститься.

Она — мой новый проект. Мой чистый лист. Моя личная доза адреналина, которую я намерен вкалывать себе в вены каждый день, пока не выжгу в ней все человеческое.

Я медленно поднимаюсь со своего места. Тяжелые кандалы отзываются властным, предупреждающим звоном. Профессор мгновенно осекается на полуслове. Его лицо бледнеет, становясь серого землистого оттенка, и он инстинктивно дергается назад, к желтой линии, в так называемую «безопасную зону». Он вжимается спиной в стену, веря в иллюзию, что эти лишние полтора метра и бронированное стекло спасут его, если я решу достать его душу. Наивный старик. Он не понимает, что в этом месте нет безопасных зон, если Демитрий Градов решил, что их больше не существует.

Я не смотрю на него. Я вообще не удостаиваю его даже кивка. Мой взгляд направлен вверх, прямо в объектив камеры слежения, установленной под потолком. Оператор по ту сторону экрана сейчас наверняка обливается холодным потом, видя мое лицо так близко. Я просто приподнимаю одну бровь — едва заметный, ледяной жест, означающий высшую степень моего недовольства.

В этой тюрьме я не заключенный. Я — архитектор тишины. Я купил здесь всех: от начальника, чьи карточные долги я закрыл через своих людей, до последнего охранника, меч-

тающего о безбедной пенсии. Воздух в вентиляции подается по моему графику, и охранники знают — если я чего-то хочу, это должно быть исполнено мгновенно, иначе их жизни превратятся в бесконечный кошмар.

Я отворачиваюсь от камеры и возвращаюсь к столу. Профессор все еще стоит у стены, судорожно вцепившись в свой планшет, его губы беззвучно шевелятся, как у выброшенной на берег рыбы. Я жду.

Проходит ровно две минуты. Тишину блока прорезает знакомый гул гидравлики. Внешние двери распахиваются, и я чувствую, как в камеру врывается тот самый аромат персика и страха.

На пороге стоит она. Катерина.

Она запыхалась, ее грудь тяжело вздымается под тонкой тканью рубашки, а в глазах плещется такое смятение, будто ее вырвали прямо из сна. Она смотрит на профессора, потом на меня, и я вижу, как она сглатывает, понимая — ее приход не был случайностью. Она здесь, потому что я так захотел.

— Простите... — шепчет она, поправляя выбившуюся прядь волос. — Меня вызвала охрана, сказали, что возникла срочная необходимость в моем присутствии.

Я позволяю себе тень улыбки — хищной, темной, торжествующей. Моя маленькая отличница вернулась в клетку. Теперь, когда декорации на месте, мы можем продолжить урок. Я демонстрирую ей свою власть, и это только начало.

Катерина стоит в дверях, дезориентированная и испуган-

ная, и ее присутствие мгновенно вытесняет из этой камеры смрад профессорского ничтожества. Но Мигель, ослепленный собственной гордыней, не чувствует, как изменилось давление в помещении. Он багровеет, его лицо идет некрасивыми пятнами, и он обрушивается на девчонку с яростью человека, который почуял, что теряет контроль.

— Что это значит, Катерина?! — орет он, брызжа слюной. — Кто вам разрешил явиться? Мы четко договорились: сегодня я работаю один! Вы нарушаете субординацию, вы рушите чистоту эксперимента! Я сниму вас с исследования, я аннулирую вашу практику, вы больше ни в один приличный кабинет не войдете, я вам это обещаю!

Она вздрагивает, как от пощечины. Я вижу, как она бледнеет, как открывает рот, чтобы начать лепетать оправдания, выставляя вперед ладони, словно пытаясь защититься от этого потока желчи. Она готова унижаться перед этим стариком, готова признать вину за грех, которого не совершала.

Я не позволяю ей этого.

Я делаю один резкий, тяжелый шаг вперед. Грохот моих кандалов по бетонному полу звучит как выстрел в упор. Профессор, чье мужество заканчивается там, где начинается физическая угроза, буквально отлетает назад. Он вжимается в стену у самого входа, его коленки дрожат, а в глазах — чистый, животный ужас. Он понимает, что я могу размозжить ему череп этими цепями прежде, чем охрана успеет нажать на кнопку.

А Катерина... Катерина остается на месте.

Между нами всего метр. Длина моих цепей позволяет мне коснуться ее, сорвать эту душную рубашку или запустить пальцы в ее светлые волосы, принуждая к покорности. Я чувствую жар, исходящий от ее тела, слышу, как сбивается ее пульс. Я едва сдерживаюсь, чтобы не сократить это расстояние до нуля, чтобы не вдохнуть запах ее страха прямо с ее шеи.

Я перевожу ледяной взгляд на профессора. Тот съеживается под моим прицелом, превращаясь в жалкую кучку тряпья.

— Закрой свой рот, Мигель, — мой голос звучит вкрадчиво, почти шепотом, но от него иней выступает на стенах. — Ты называешь себя образованным человеком, но до тебя так долго доходит очевидное. Мне плевать на твои эксперименты и твою чистоту. Я не произнесу больше ни единого слова, пока в этой камере не будет ее. Ты здесь — лишь фон. Она — единственный повод, по которому я вообще соизволил открыть рот в этом бетонном мешке.

Я вижу, как у него отвисает челюсть. Он хочет возразить, но страх перед смертью оказывается сильнее профессиональной спеси. Я поворачиваюсь к Катерине. Ее глаза расширены, в них читается шок и что-то еще — странная, запретная благодарность за то, что монстр заступился за нее перед наставником.

Я медленно возвращаюсь к своему столу и усаживаюсь,

позволяя стальным звеньям кандалов со звоном лечь на столешницу. Это звук моей власти, и она это знает.

— Садитесь, Катерина, — я указываю подбородком на стул напротив. — Не обращайте внимания на этот шум. Профессор просто расстроен, что его интеллект оказался бесполезен там, где работают инстинкты.

Я смотрю прямо ей в зрачки, и мой взгляд становится почти осязаемым, липким.

— Знаете... я успел соскучиться. За те несколько часов, что мы не виделись, тишина в этой камере стала невыносимо пресной. Я соскучился по нашим разговорам. По тому, как вы пытаетесь препарировать мою тьму, не замечая, как она начинает прорастать в вас.

Я слегка наклоняю голову, наслаждаясь тем, как краска снова заливает ее лицо.

— Продолжим? У нас еще столько несказанного, а вы сегодня выглядите еще более... беззащитной, чем вчера. Это располагает к откровенности.

Катерина медлит лишь мгновение, и в этом коротком затишье я вижу всю ее внутреннюю борьбу — как хрупкие барьеры ее воспитания сминаются под моим прямым давлением. Она сглатывает, и это движение ее горла кажется мне самым честным ответом на все, что происходит в этой камере. Она опускается на стул, прижимая к себе папку, словно щит, но делает это покорно, как маленькая послушная девочка, которая осознала, что сопротивление только раззадоривает

хищника. Эта ее вынужденная лояльность вызывает у меня прилив темного, тягучего удовлетворения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.